

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO 413 E. 14th St., New York, N. Y.

Неопубликованные отрывки из писем Чехова

Эпистолярное наследство А. П. Чехова огромно и представляет исключительный интерес, не только биографический, исторический и бытовой, но и чисто художественный. Много сот писем Чехова уже опубликовано — в 1912—1914 г. г. вышло шеститомное издание его писем, затем, уже в советские годы, было опубликовано несколько сот ранее неизвестных писем Чехова к Григоровичу, Маслоу-Беленкому, А. П. Чехову, А. С. Суворину и др. И все же в литературных архивах и у отдельных лиц имеется еще множество писем Чехова.

80-летие со дня рождения Чехова дало повод к появлению полностью или в отрывках нескольких из еще неопубликованных писем А. П. А. Роскин приводит в «Литер. Газете» отрывки из письма Чехова, которому предпосылается следующее пояснительное вступление:

«В 1887 г., задумав свою «Степь», Чехов поехал в Таганрог и составил степные заметки: ему хотелось, прежде чем приступить к повести, освежить впечатления своей юности, снова, после восьмилетнего отсутствия, побывать в местах, по которым должен был совершить свое первое путешествие чеховский Егорюшка. С родными Чехов посылал семье в Москву длинные письма-дневники, и в них нетрудно узнать мотивы написанных Чеховым позже рассказов и повестей «Степь», «Огни», «Перекажи-подле», «Печенки», «Учитель. Своеобразие», «Святое поноше». Эти письма уже были опубликованы, но далеко не в полном виде. Между тем опущенные в них строки представляют больший интерес. С поосторогом описывал Чехов природу вокруг Таганрога, но совсем в

ниих тонах описывал он родной город: жизнь таганрогских обывателей показалась Чехову пошлой и жалкой, он покинул Таганрог с грустным, тяжелым чувством.

Приведем некоторые из наиболее значительных по размерам купюр в письме-дневнике Чехова от 7—14 апреля 1887 года. Она очень выразительно рисует ту мешанскую провинциальную среду, знание которой обогатило Чехова многими важными жизненными наблюдениями.

Приехал в Таганрог, Чехов остановился у своего дяди, Митрофана Егоровича Чехова. Митрофан Егорович, как и отец Антона Павловича, занимался «коммерциозными делами», т. е. торговал в мелочной лавке. Он был человеком весьма недалеким, однако, доброй души, искренне любимым своими племянниками. Семью Митрофана Егоровича, ее окружение, а также и давних знакомых Чехова и описывает Антон Павлович в нижеследующих, не появлявшихся до сих пор в печати отрывках».

«Л. П. (Людмила Павловна, тетка Антона Павловича), «градая», забудла засыпать дорогого чая и вообще находить нужным извиняться и отбредаться там, где не нужно. Смотрит подозрительно: не осуждали? Но при всем том рада угостить и облакаться».

«...Он (Г. М. Чехов двоюродный брат Антона Павловича) знаком с Мамаки, с Горюшкой, с Бакиткой и другими барышнями, созданными исключительно для того, чтобы пополнять в будущем вакансии толпы лысых. Владимирчик (В. М. Чехов двоюродный брат А. П. Чехова), наружно напоминающий того толстого сутуловатого Мищенко, к-ый у нас был, кроток и

молчалив; натура, повидимому, хорошая. Готовится к светильники церкви. Поступает в духовное училище и мечтает о карьере митрополита. Стало быть, у дяди не только своя алва, но будет даже и свой митрополит. Саша такая же, как и была, а Леля мало отличается от Сашки».

Далее следует описание обстановки в доме Митрофана Егоровича:

«...Портреты весьма плохие и Коатсы с Кларками, расписанные всюду. Сильно бьет в нос претензия на роскошь и изысканности, а вкуса меньше, чем у болотного сапога женственности. Теснота, жара, недостаток столов и отсутствие всяких удобств. Ирина, Володя и Леля спят в одной комнате, дядя, Л. П. и Саша в другой, Егор в передней на сундуке; не ужинают они вероятно умышленно, иначе их дом давно бы взлетел на воздух. Жара идет и из кухни и из печей, к-ые все еще топятся, несмотря на теплое время. Ватер у чорта на куличках, под забором. Столов нет, если не считать ломберных и круглых, поставленных только ради украшения комнат. Нет ни плеватальниц, ни приличного рукомойника... салфетки серые. Иринушка обрюзгла и неиззяна... то есть застрелиться можно, так плохо!».

М. Е. Чехов состоял церковным старостой одной из таганрогских церквей. К пасхальной заутрене он отправился со всей семьей в церковь, где продавал свечи.

«Егор, как франт и либерал, свечей не продает, а стоит в стороне и оглядывает всех равнодушным оком. Зато Владимирчик чувствует себя в своей тарелке...».

«Дома разговенье в Иринушкиной комнате: прекрасные куличи отлитые колбаса,

серые салфетки, духота и запахи детских одежд. Дядя разговляется у о. Василия. Наешишь и выпив сантуринского, ложусь и засыпаю».

Утром нашествие попов и певчих. Я иду к Агалиным. Полина Ивановна рада. Липочка не выходит ко мне, потому что не пускает ревнивый муж. Николай Агали, здоровый балбес, держащий везде выпускной экзамен, не выдерживающий и мечтающий о Цюрихском университете. Глуп.

От Агали иду к М-ме Савельевой...»

«...Обед: суп и жареные кури (в праздник нельзя без птицы, деточки! Отчего не позволить себе роскошь?).»

Во время обеда прискакал Камбуренок — субъект с черной бритой рожой, в белой жилетке и достаточно уже насантуринившийся, шляясь по визитам.

— Ей Богу, приходи ко мне! заговорил он. — Я всегда твои субботники читаю. Мой отец — тип! Приходи посмотри. Ах, да ты забываешь, что я женатый! У меня уже дочка есть, ей Богу... Да как ты переменялся! и т. д.

После обеда (суп с твердым рисом и кури) я поехал к Холаковскому. Пан живет не дурно, хотя и не с той роскошью, какую мы знали раньше. Его белобрысая Маня — жирный польский, хорошо прожаренный кусок мяса, красивый в профиль и неприятный en face. Мешочки под глазами и усиленная деятельность салных железок. Повидимому, белолая. Позднее я узнал, что в истекший сезон она едва не бежала с актером и продала даже свои кольца, серьги и проч. Это по секрету, конечно...».

«...От пана к Лободе. Все Лободины постарели страшно. Аноша плешив, как луна. Дашенька потолстела. Варинька постарела, похудела и высохла; когда она смеется, то нос ее прижимается к лицу, а подбородок, морщась, лезет к носу. Марфа Ив. тоже постаре-

ла. Села. Она мне очень обрадовалась и согласилась ехать со мной в Москву. У Лободы вител бессмертного Царенко, игриного, болтливого и либерального. Петр Захарыч жив; очень мне обрадовался, интересовался всеми нашими... Говорит осипшим, необыкновенно низким голосом, так что без смеха слушать его совсем невозможно; был женат, но развелся с женою. Идя от Лободы домой, я встретил М-ме Савельеву с дочкой. Дочка вся в папеньку: много хохочет и уже прекрасно говорит. Когда я помог ей надеть упавшую с ноги калошу, она в знак благодарности томо взглянула на меня и сказала: «Приходите к нам почевать!».

Пояснения А. Роскина к отрывкам:

Иринушка — старая няня в семье М. Е. Чехова, относившаяся с большой любовью к маленькому Антоше Чехову, не редко искавшему утешения и ласки в доме своего дяди. Егор — Георгий Митрофанович Чехов; неопубликованные архивные материалы позволяют установить некоторое портретное сходство Егорушки из «Степи» с двоюродным братом А. П. Чехова. Агали — знакомая Чеховым таганрогская семья. Савельева — жена однокурсника А. П. Чехова, д-ра Д. Т. Савельева. Камбуренок — один из членов семьи Камбуровых, близкой семьей П. Е. и М. Е. Чеховых. Купец И. И. Лобода — дальний родственник Чеховых. «Радая», «забудла», «барышник», «кури» — воспроизведение таганрогского жаргона. Марфа Ивановна Морозова — тетка А. П. Чехова. Через много лет, приглашая Чехова вновь приехать в Таганрог, Марфа Ивановна с удивительной наивностью писала: «Антоша приезжай к нам в Таганрог, ты не узнаешь его... я незнаю как тебя замануть к нам в Таганрог. Антоша я очень потолстела и помолодела, а силы неприбавилось просто барыня стала мое почтенья красавица».

Но Чехова в Таганрог уже не тянуло.

Рукописным отделом московского Литературного музея у родственника врача Д. Т. Савельева, товарища А. П. Чехова по таганрогской гимназии приобретены 11 писем Чехова 1883—1884 г.г. к Д. Т. Савельеву и его жене. В этих письмах рисуется студенческая жизнь А. П.

Основная тема писем — полнейшее безденежье. «Все имеющиеся у меня я ухлопал на семью и теперь сижу на бабах, ощущая всеми своими нервами отсутствие в кармане всякого присутствия», — пишет А. П. Чехов в одном из этих писем. «Рыскал вчера целый вечер и окроме 5 рубл... (ничего) не добыл», — читаем в другом. «Наварю для Вас солонины с хлебом», — предлагает он Савельеву, приглашая зайти к нему; повидимому, что незатейливое блюдо являлось для автора письма и адресата верхом изысканности и роскоши. Дело иногда доходило до таких курьезов: А. П. Чехову для того, чтобы пойти на какое-то свидание, пришлось позаимствовать сюртук у своего приятеля. «Спасибо тебе восьмизатное (с чердаком и погребом), — буди твоего сюртука, я погиб бы от равнодушия женщины...».

Годы студенческой жизни были годами и первых литературных шагов молодого Чехова. Но сначала А. П. выступал как литературный поделник: «Утомлен до безобразия. Пишу фельетоны», — то и дело мелькает в его письмах. Несмотря на тяжелое материальное положение, Чехов ни на минуту не теряет столь глубокого свойственного ему чувства юмора. «Приеду в Таганрог в конце июня — в полной надежде, что у меня уже есть невеста. Вам мне обещанная, — пишет А. П. Чехов жене Д. Т. Савельевой, Е. И. Савельевой. — Мои условия: красота, грация и улы! тысячекратно хоть 20. Нынешняя молодежь ужасно меркантильна...».